

M.N. Glukhova

Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Moscow, Russia

The impact of COVID-19 pandemic on business-state interaction: The business view

Abstract. The paper reviews the impact of the COVID-19 pandemic on the business climate and the activities of Russian union of industrialists and entrepreneurs member companies. On the basis of a survey of 480 companies (both Russian and foreign operating in Russia) the changes in the interaction between business and government, regulation, as well as the risks and opportunities faced by companies in the crisis caused by the spread of a new coronavirus infection are analyzed. High demand from business for systemic, including administrative, support measures rather than financial measures was identified during the pandemic. The specifics of the problems of small businesses were analyzed. The cases of transformation of the best corporate practices into legislative innovations are considered, in particular, using labor legislation as a reference. The paper presents the changes in the approach of particular authorities to providing support and communication with the business community, including both negative and positive practices. It also analyzes the trends of digitalization of interaction between business and state, including the risks of insufficient transition to an electronic interaction format. The problems faced by companies while obtaining support, such as excessive requirements and conditions for providing support, complex reporting system and narrow scope of support recipients, are discussed in the paper.

Keywords: COVID-19 pandemic, business climate, regulation, state – business interaction.

JEL Classification: H12, L16, E32.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-11

Н.В. Акиндинова

Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ, Москва

Д.А. Авдеева

Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ, Москва

Н.В. Кондрашов

Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ, Москва

С.Г. Мисихина

Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ, Москва

С.В. Смирнов

Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ, Москва

Макроэкономические последствия пандемии COVID-19

Аннотация. В статье выдвигается тезис о том, что рецессия, связанная с пандемией COVID-19, осталась в прошлом, и это дает возможность подвести некоторые итоги. Подчеркивается, что спад 2020 г. был связан главным образом с внешними для экономики временными ограничениями на социальные контакты и мобильность. Для России он был усугублен трудностями в достижении договоренностей в рамках ОПЕК+. Устанавливается тот факт, что рецессия 2020 г. оказалась беспрецедентно глубокой и беспрецедентно короткой, в некоторых случаях даже меньше одного квартала, причем на фоне других стран Россия прошла кризис достаточно успешно, хотя размер российского антикризисного пакета был заметно меньше, чем в экономически наиболее развитых странах. Отмечается, что восстановительный рост экономики повсеместно начался сразу после ослабления карантинных мер, при этом сравнительно недавно появившиеся данные позволили нам заключить, что к середине 2021 г. большинство развивающихся экономик, в том числе и Россия, вышли на допандемийный

уровень. Показывается, что большинство имеющихся прогнозов сходятся в том, что в 2021 г. (и отчасти в 2022 г.) будет наблюдаться ускоренный восстановительный рост, после чего основные макроэкономические показатели вернутся на докризисные траектории. Вместе с тем запущенные пандемией изменения потребительских предпочтений и моделей ведения бизнеса могут привести к устойчивым сдвигам в отраслевой структуре экономик.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, рецессия, антикризисные меры, экономический рост.

Классификация JEL: E32, E37, E65.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-12

Анализ макроэкономических последствий пандемии 2020 г. уже появился в экономической литературе (см., например, (Григорьев, Павлюшина, Музыченко, 2020; Клепач, 2020; Мау, 2021; Широу, 2021; Шохин и др., 2021)). Теперь, когда коронакризис (в отличие от пандемии COVID-19) однозначно остался в прошлом, можно подвести некоторые итоги. В России, как и во многих других странах, эти последствия стали результатом компромисса между относительно жесткими или относительно мягкими карантинными мерами, с одной стороны, и большей или меньшей компенсирующей поддержкой бизнеса и населения, пострадавших от вызванного этими мерами резкого падения экономической активности, — с другой.

В России локдаун (централизованный «режим нерабочих дней») продлился с 30 марта по 11 мая 2020 г. Для некоторых сфер экономики последствия локдауна трудно назвать иначе как катастрофическими (табл. 1, столбец 1). Как и в других странах, введших аналогичные ограничения, в наибольшей степени пострадали отрасли с высоким уровнем интенсивности контактов (туризм, рестораны, пассажирский транспорт, некоторые другие платные услуги, розничная торговля)¹. Важным фактором, усугубившим ситуацию в российской экономике во втором квартале 2020 г., было обвальное падение нефтяных цен, последовавшее за срывом переговоров в рамках ОПЕК+.

Таблица 1

Некоторые последствия локдауна для российской экономики (в реальном выражении, если не указано иное), % год к году

Индикаторы экономической активности	II кв. 2020 г. к II кв. 2019 г.	I кв. 2021 г. к I кв. 2020 г.	2020 г. к 2019 г.
	1	2	3
ВВП	-7,8	-0,7	-3,0
Промышленное производство	-6,3	-1,3	-2,1
Добыча нефти*	-9,6	-11,0	-8,7
Легковые автомобили	-53,0	+13,4	-17,5
Лекарственные средства	+19,7	+40,1	+21,9
Транспорт			
Грузооборот	-8,1	+0,5	-4,8
Пассажирооборот	-78,8	-33,6	-45,2
Инвестиции	-5,3	+2,0	-1,4
Строительство	-3,9	+0,2	+0,1

¹ Для оценки влияния и последствий коронакризиса в отраслевом разрезе доклад МВФ (IMF, 2021) предлагает выделить четыре группы секторов в зависимости от интенсивности контактов в них и их уязвимости к дестабилизации из-за пандемии. Характерная для различных стран композиция указанных групп отраслей (в сочетании с прочими факторами, в том числе объемами государственной поддержки) во многом определяла силу влияния коронакризиса на экономики.

Окончание таблицы 1

Индикаторы экономической активности	II кв. 2020 г. к II кв. 2019 г.	I кв. 2021 г. к I кв. 2020 г.	2020 г. к 2019 г.
	1	2	3
Ввод жилья	-17,0	+15,4	+0,2
Экспорт товаров**	-30,6	+4,3	-20,6
Импорт товаров**	-13,0	+15,7	-5,6
Импорт легковых автомобилей	-49,0	+47,3	-19,6
Розничная торговля, всего	-15,1	-1,4	-3,2
Продовольственные товары	-6,3	-3,5	-1,6
Непродовольственные товары	-23,3	+0,8	-4,6
Рестораны, кафе и бары	-51,9	-5,0	-22,6
Платные услуги населению	-34,6	-3,2	-14,8
Международные туристские потоки			
Въездные поездки	-99,0	-69,4	-74,0
Выездные поездки	-99,4	-67,8	-72,7
Безработица (по методологии МОТ)**	+30,4	+21,7	+26,1
Реальная заработная плата	-0,1	+1,6	+3,8
Реальные располагаемые доходы	-7,1	-3,7	-2,8
Справочно: цены нефти Urals**	-57,5	+22,8	-35,4

* Нефть обезвоженная, обессоленная и стабилизированная, включая газовый конденсат.

** Приросты год к году номинальных величин (в том числе экспорта и импорта – в долл.).

Источники: Росстат, Thomson Reuters.

Однако вскоре после смягчения карантинных мер началось быстрое восстановление экономики. Этому способствовали апрельские договоренности в рамках ОПЕК+ о снижении добычи нефти, в результате которых нефтяные цены вернулись на достаточно комфортный для России уровень. Хотя в первом квартале 2021 г. докризисный уровень экономической активности в России еще не был достигнут, макроэкономическая ситуация радикально улучшилась (см. табл. 1, столбец 2)². При этом в некоторых секторах (например, в производстве и импорте легковых автомобилей, строительстве жилых домов и др.) даже наблюдался заметный рост, в значительной степени за счет отложенного спроса, тогда как другие сектора (общественное питание, туризм, пассажирский транспорт) по-прежнему находились

в непростом положении (полного восстановления здесь можно ожидать лишь после окончательного снятия ограничений на социальные контакты и перемещения и адаптации поведения населения). Безработица также в течение долгого времени оставалась заметно выше уровней до начала пандемии³.

Аналогичная динамика (резкое падение во втором квартале 2020 г., когда почти повсеместно действовали наиболее жесткие карантинные ограничения, и последовавшее за их смягчением активное восстановление экономики) наблюдалась и в других ведущих развитых и развивающихся странах (табл. 2). При этом стоит отметить, что на фоне других стран снижение экономической активности в России оказалось умеренным. Отчасти это объясняется тем, что локдаун здесь был короче и мягче,

² Докризисный уровень производства ВВП был превышен уже во втором квартале 2021 г.

³ Хотя в середине 2021 г. вернулась к докризисным значениям.

Таблица 2

Темпы прироста реального ВВП (в квартальных данных – после устранения сезонности), %

Мир и страна	II кв. 2020 г. к I кв. 2020 г.	II кв. 2021 г. к IV кв. 2019 г.	2020 г. к 2019 г.
Мир	н.д.	н.д.	-3,3
Россия	-7,1*	1,7*	-3,0
США	-8,9	1,3	-3,5
Германия	-10,0	-3,3	-4,8
Италия	-13,1	-4,2	-8,9
Франция	-13,5	-3,6	-7,9
Великобритания	-19,5	-4,4	-9,8
Япония	-7,9	-3,3	-4,8
Китай	-8,7**	9,5	2,3
Индия	-24,5	-7,7	-8,0
Турция	-11,0	10,3	1,8

* Оценка Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

** Приведено падение ВВП в первом квартале 2020 г. к докризисному четвертому кварталу 2019 г., поскольку жесткий локдаун в Китае был введен на квартал раньше, чем в других странах. Во втором квартале 2020 г. там уже наблюдался отскок – рост на 10%.

Источники: OECD. Quarterly National Accounts; IMF. World Economic Outlook Database (April 2021); Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ.

чем в большинстве европейских стран, а отчасти – относительно небольшой долей сферы услуг, которая во всех странах (и в России тоже) пострадала от локдаунов сильнее других секторов экономики, и относительно высокой долей крупных предприятий, тесно связанных с государством и слабо затронутых ковидными ограничениями.

При различной глубине спада по странам необходимость чрезвычайных компенсирующих мер по поддержке национальной системы здравоохранения, а также населения и секторов экономики, в наибольшей степени пострадавших от введения карантинных мер, была очевидна с самого начала. В разных странах были задействованы разные инструменты поддержки экономики и разные сочетания этих инструментов. В развитых экономиках, где стабильно – на протяжении многих лет – низкая инфляция и близкие к нулю про-

центные ставки позволяли достаточно безболезненно наращивать бюджетные расходы за счет увеличения государственного долга, акцент был сделан на пакеты фискального стимулирования, масштабы которых доходили до десятков процентов ВВП (табл. 3)⁴. Размер российского пакета – как и пакетов других развивающихся стран – на этом фоне выглядит достаточно скромным.

Среди принятых в России мер фискальной поддержки малого и среднего предпринимательства (прежде всего – из перечня наиболее пострадавших отраслей) можно назвать меры, нацеленные⁵:

- на поддержку занятости и выплаты заработной платы;
- на снижение административного давления на бизнес;
- на сокращение налоговых и страховых платежей.

⁴ В США дело доходило до раздачи так называемых вертолетных денег – чеков на суммы 1000–1400 долл. непосредственно в руки населения. Эта программа была выполнена дважды – при администрации Д. Трампа и при администрации Дж. Байдена.

⁵ Подробнее см. в (Акиндинова и др., 2021).

Таблица 3

Фискальные меры стимулирования экономики в условиях пандемии COVID-19 по странам, % от ВВП 2020 г.

Инструменты фискального стимулирования	Россия	США	Германия	Италия	Франция	Великобритания	Япония	Китай	Индия	Турция
Дополнительные расходы и налоговые послабления	4,5	25,4	13,6	10,9	9,6	16,2	16,5	4,8	3,5	2,7
- в сфере здравоохранения	0,7	3,3	1,8	1,2	1,4	7,5	1,9	0,1	0,4	0,4
- прочие сектора экономики и население	3,8	22,2	11,8	9,7	8,2	8,7	14,6	4,7	3,1	2,3
Докапитализация, покупка активов, ссуды, урегулирование долгов и др.	0,4	0,3	3,0	0,2	0,7	0,0	-	-	0,3	0,4
Гарантии по ссудам, депозитам и т.п.	0,5	2,2	24,8	35,1	14,5	16,7	2,9	0,4	4,3	6,4
Операции госкорпораций по поручению правительства	0,5	-	-	-	-	-	25,4	0,9	0,6	2,7

Примечание. МВФ включает в свои оценки суммы, которые уже выделены, но еще не израсходованы.

Источник: IMF. Fiscal Monitor Database of Country Fiscal Measures in Response to the COVID-19 Pandemic (July 2021).

На непосредственную поддержку населения (помимо субсидий и кредитов на выплату заработной платы) в 2020 г. были направлены:

- выплаты медикам и социальным работникам;
- средства для обеспечения прироста среднего размера пенсии;
- специальные выплаты по поддержке семей с детьми и безработных в условиях пандемии коронавируса.

В итоге правительство нарастило расходы на здравоохранение в 1,9 раза, на социальную политику – в 1,4, на межбюджетные трансферты – в 1,4 и т.д.

Помимо фискальных стимулов была и достаточно активная антикризисная политика Банка России: за 2020 г. он четырежды снижал ключевую ставку, в общей сложности понизив ее на 2 п.п. (с 6,25% на начало 2020 г. до 4,25% к концу июля того же года).

Кроме того, Банк России выделил средства на поддержку кредитования банками субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) с целью выполнения ими обязательств по выплате заработной платы, принял ряд регуляторных послаблений, а также рекомендовал коммерческим банкам реструктурировать задолженность в случае невозможности ее обслуживания по первоначальному графику.

Воздействие пандемии на динамику российского ВВП можно оценить, сопоставив фактическое снижение ВВП в 2020 г. (на 3,0%) с прогнозами на 2020 г., подготовленными в конце 2019 г., когда фактор пандемии полностью отсутствовал. В частности, базовый сценарий Минэкономразвития России в сентябре 2019 г. предполагал рост российской экономики в 2020 г. на 1,7%. Такой же темп прироста ожидался в соответствии с консенсус-прогнозом Института «Центр развития» НИУ

⁶ О том, как менялись ожидания экспертного сообщества в ходе развертывания пандемии в России, см. (Акиндинова, Кондрашов, Смирнов, 2020).

ВШЭ в октябре 2019 г.⁶ Таким образом, кризис ухудшил динамику ВВП в 2020 г. примерно на 4,7 п.п. При этом, если бы не меры государственной поддержки, негативный эффект – по сравнению со сценарием без пандемии – составил бы, по нашей оценке, примерно 7–8 п.п.

По прогнозам Всемирного банка, ускоренный восстановительный рост мировой экономики в 2021 г. составит 5,6%; в последующие два года он замедлится. Другие международные организации придерживаются схожих оценок: так, МВФ прогнозирует рост мировой экономики на 6,0 и 4,9% в 2021–2022 гг.; ОЭСР – на 5,8 и 4,4% соответственно⁷ (табл. 4).

В более длительной перспективе прогнозы динамики мировой экономики и экономик большинства стран, включая Россию, не предвещают радикальных перемен по сравнению со временем до пандемии. Скорее они указывают на постепенное возвращение к доковидным траекториям (обычно – к постепенному замедлению роста) после вызванного локдаунами резкого спада в 2020 г. и ускоренного восстановления в 2021 г., отчасти в 2022 г. (для России это означает рост ВВП в долгосрочном плане примерно на 2,0% в год). При этом эксперты Всемирного банка (World Bank, 2021) ожидают, что в развивающихся странах потенциальный объем валового выпуска будет ниже допандемийных оценок на протяжении всего следующего десятилетия: ослабление основных движущих сил роста, прогнозировавшееся еще до кризиса, будет усилено за счет сохранения долгосрочных негативных последствий коронакризиса.

Таблица 4

Консенсус-прогнозы динамики реального ВВП до 2026 г., % год к году

Страны и регионы	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026
	Факт		Прогноз					
Россия	2,0	–3,0	4,0	2,5	2,2	2,1	1,9	1,9
США	2,3	–3,4	6,1	4,4	2,5	2,0	–	–
Еврозона	1,6	–6,6	4,7	4,6	2,1	–	–	1,4

Источники: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. Консенсус-прогноз, 29 июля – 9 августа 2021 г.; Federal Reserve Bank of Philadelphia. Survey of Professional Forecasters (FRBP SPF), Third Quarter 2021; European Central Bank. Survey of Professional Forecasters (ECB SPF), July 2021; Росстат; US Bureau of Economic Analysis; Eurostat.

⁷ См. (World Bank, 2021; IMF, 2021; OECD, 2021). Прогнозы также предполагают в 2021–2022 гг. ускорение инфляции, ставшее результатом антикризисной денежной накачки. Но в последующие годы повышенных темпов роста цен ни в России, ни в других странах никто не ожидает.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Акиндинова Н.В., Баранов Э.Ф., Бессонов В.А., Кондрашов Н.В., Кузнецов А.О., Миронов В.В., Мисихина С.Г., Пухов С.Г., Смирнов С.В., Чепель А.А., Чернявский А.В.** (2021). Макроэкономические эффекты пандемии COVID-19 и перспективы восстановления экономики. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. [Akindinova N.V., Baranov E.F., Bessonov V.A., Kondrashov N.V., Kuznetsov A.O., Mironov V.V., Misikhina S.G., Pukhov S.G., Smirnov S.V., Chepel A.A., Cherniavsky A.V. (2021). Macroeconomic effects of the COVID-19 pandemic and prospects for economic recovery. M.: HSE Publishing House (in Russian).]
- Акиндинова Н.В., Кондрашов Н.В., Смирнов С.В.** (2020). Макроэкономический консенсус-прогноз в контексте пандемии. В кн.: *Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России*. Науч. ред.: В. Мау, Г. Идрисов, Я.И. Кузьминов, А. Радыгин, В. Садовничий, С. Синельников-Мурылев. М.: [б.и.]. С. 394–403. [Akindinova N.V., Kondrashov N.V., Smirnov S.V. (2020). Macroeconomic consensus-forecast in the context of the pandemic. In: *Society and the pandemic: Experience and lessons of fighting COVID-19 in Russia*. V. Mau, G. Idrisov, Ya. Kuzminov, A. Radygin, V. Sadovnichy, S. Sinelnikov-Murylev (eds.). Moscow: [not specified]. 394–403 (in Russian).]
- Григорьев Л.М., Павлюшина В.А., Музыченко Е.Э.** (2020). Падение в мировую рецессию 2020 // *Вопросы экономики*. № 5. С. 5–24. [Grigoryev L.M., Pavlyushina V.A., Muzychenko E.E. (2020). The fall into 2020 recession. *Voprosy Ekonomiki*, 5, 5–24 (in Russian).]
- Клепач А.Н.** (2020). Российская экономика: шок от коронавируса и перспективы восстановления // *Научные труды Вольного экономического общества России*. Т. 222. № 2. С. 72–87. [Klepach A.N. (2020). The Russian economy: The shock of the coronavirus and the prospects for recovery. *The scientific works of the Free Economic Society of Russia*. Vol. 222, 2, 72–87 (in Russian).]
- Мау В.А.** (2021). Пандемия коронавируса и тренды экономической политики // *Вопросы экономики*. № 3. С. 5–30. [Mau V.A. (2021). Coronavirus pandemic and trends of economic policy. *Voprosy Ekonomiki*, 3, 5–30 (in Russian).]
- Широв А.А.** (2021). Пандемический кризис экономики: механизмы развития и решения в области экономической политики // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1 (49). С. 209–216. [Shirov A.A. (2021). The pandemic crisis: The mechanisms of development and solutions for economic policy. *The Journal of the New Economic Association*, 1 (49), 209–216 (in Russian).]
- Шохин А.Н., Акиндинова Н.В., Астров В.Ю., Гурвич Е.Т., Замулин О.А., Клепач А.Н., Мау В.А., Орлова Н.В.** (2021). Макроэкономические эффекты пандемии и перспективы восстановления экономики (По материалам круглого стола в рамках XXII Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ) // *Вопросы экономики*. № 7. С. 5–30. [Shokhin A.N., Akindinova N.V., Astrov V.Y., Gurvich E.T., Zamulin O.A., Klepach A.N., Mau V.A., Orlova N.V. (2021). Macroeconomic effects of the pandemic and prospects for economic recovery (Proceedings of the roundtable discussion at the XXII HSE April International Academic Conference on economic and social development). *Voprosy Ekonomiki*, 7, 5–30 (in Russian).]
- IMF (2021). World economic outlook, April 2021. Managing divergent recoveries. Washington, DC: International Monetary Fund.
- OECD (2021). OECD economic outlook. 2021, 1, 109. Paris: OECD Publishing.
- World Bank (2021). Global economic prospects, June 2021. Washington, DC: World Bank.

Поступила в редакцию 17.09.2021

Received 17.09.2021

N.V. Akindinova

Centre of Development Institute, NRU HSE, Moscow, Russia

D.A. Avdeyeva

Centre of Development Institute, NRU HSE, Moscow, Russia

N.V. Kondrashov

Centre of Development Institute, NRU HSE, Moscow, Russia

S.G. Misikhina

Centre of Development Institute, NRU HSE, Moscow, Russia

S.V. Smirnov

Centre of Development Institute, NRU HSE, Moscow, Russia

Macroeconomic consequences of the COVID-19 pandemic

Abstract. The article puts forward the thesis that the COVID-19 recession has already passed, which makes it possible to make some other conclusions. It is emphasized that the recession was triggered mainly by temporary restrictions on social contacts and mobility that were “external” to the economy. For Russia, it was aggravated by discords among the OPEC+ members. It is established that the 2020 drop of economic activity turned out to be unprecedentedly deep and unprecedentedly short, in some cases even less than one quarter. Compared to other countries, Russia passed the crisis quite successfully, although the size of the Russian stimulus package was much smaller than in the most developed countries. It is noticed that around the world quite fast recovery began immediately after the mitigation of lockdowns. Relatively recent data allowed us to conclude that by mid-2021, most emerging economies, including Russia, had reached pre-pandemic levels. It is shown that most forecasts agree that in 2021 (and partly in 2022) there will be an accelerated recovery and then the main macroeconomic indicators will return to pre-recession trajectories. At the same time, the changes in consumer preferences and business models triggered by the pandemic can lead to sustainable shifts in the sectoral structure of economies.

Keywords: *pandemic, COVID-19, recession, stimulus packages, economic growth.*

JEL Classification: E32, E37, E65.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-12

В.А. Сальников

ЦМАКП, ИНП РАН, НИУ ВШЭ, Москва

Прохождение кризиса COVID-19 российской промышленностью: взгляд с макроуровня

Аннотация. В статье дан экспресс-анализ факторов, общих итогов и отраслевых особенностей прохождения кризиса COVID-19 российской промышленностью с точки зрения динамики производства, доходов и инвестиционной деятельности. По критерию схожести одновременного изменения первых двух из указанных показателей выделено шесть отраслевых кластеров. Указаны важнейшие факторы, действие которых для различных секторов обусловило представленную кластеризацию. Отмечено, что наблюдавшиеся в I полугодии 2021 г. явные успехи в виде почти фронтального по отраслям роста выпуска и прибыли во многом обусловлены действием фактора отложенного спроса и вынужденным переключением спроса с услуг на товары (при этом для пищевых, химических и лесобумажных производств можно говорить о сохранении оформившегося уже несколько лет назад механизма роста с опорой на импортозамещение и освоение внешних рынков). Указаны факторы, оформившиеся к середине 2021 г. и негативно